В. Г. Белинский

Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Вот уже третий год, как мы читаем в московских университетских «актах» превосходные речи. В 1836 году мы прочли прекрасную речь г. Щуровского; в 1838 году мы прочли прекрасную речь г. Крылова о римском праве; в нынешнем году мы прочли превосходную статью г. Морошкина «Об «Уложении» и последующем его развитии» и спешим поделиться с нашими читателями доставленным нам ею удовольствием…»

- Виссарион Григорьевич Белинский
  - ○
- notes
  - ○ Сноски
    - ■ 1
    - ■ 2
  - ○ Комментарии
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8

Виссарион Григорьевич Белинский Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета, 10-го июня, 1839…

РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 10-го ИЮНЯ, 1839. Москва.

Об «Уложении» и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета ординарным профессором, доктором прав Федором Морошкиным. Июня 10 дня 1839 года. Москва. В университетской тип. 1839. – De ratione observance in arte medica ejusque abminiculis et obstaculis. Oratio quam in solemnibus anniversariis caesareae litterarum universitatis mosquensis babuit. Gregorius Sokolsky. pathologiae et therapiae professor p. o., medicinae doctor. D. X. juni anni MDCCCXXXIX[1]*. В 4-ю д. л. 87 стр.*

В брошюре, заглавие которой здесь выписано, кроме речей гг. Морошкина и Сокольского, есть еще и «Краткий отчет о состоянии императорского Московского университета за 1838–1839 академический год».

Вот уже третий год, как мы читаем в московских университетских «актах» превосходные речи. В 1836 году мы прочли прекрасную речь г. Щуровского; в 1838 году мы прочли прекрасную речь г. Крылова о римском праве; в нынешнем году мы прочли превосходную статью г. Морошкина «Об «Уложении» и последующем его развитии» и спешим поделиться с нашими читателями доставленным нам ею удовольствием.

Чтобы дать понятие о содержании и, некоторым образом,

самом изложении речи г. Морошкина, выписываем ее начало:

> «Уложение» составлено в 1649 году повелением государя царя и великого князя Алексея Михайловича, трудами и искусством бояр – князя Никиты Ивановича Одоевского, князя Семена Васильевича Прозоровского, окольничего Федора Федоровича Волконского и государевых дьяков – Гавриила Леонтьева и Федора Грибоедова. Государь и Великий земский собор «Уложение» слушали, утвердили и на мере поставили. С тех пор «Уложение» начало свое действие в пределах русской земли и до издания «Свода законов» пребыло главным источником законодательства. Сто восемьдесят шесть лет лучшей истории оно правило жизнию русского народа, покровительствовало правых, исправляло послушных и карало преступников, – довольно и славы, и добра, – и даже теперь, когда царствующий законодатель, по примеру великих царей, собрав воедино разбросанные члены законодательства, причислил «Уложение» к памятникам прошедшего, оно вечно будет главным источником отечественной юриспруденции. Оно вечно пребудет историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридического слова. Придет время, когда русская юриспруденция, изведав чужеземные начала правды, снова обратится к «Уложению», как великому истолкователю народного гения, и воздаст ему почести, какие некогда воздавали сыны Рима «XII таблицам». «Уложение» родословно, как Москва, патриархально, как русский народ, и грозно, как царский гнев. Судьбы отечества отпечатлелись в нем всеми эпохами славы и уничижения, народные племена – всеми юридическими понятиями, народная жизнь – всеми заветными мыслями и наклонностями. По месту своего происхождения будучи «Уложением» Москвы, по времени издания – произведением упорной старины, – оно как будто приковывает народ к неподвижному основанию московской местности и древних обычаев; но, будучи «соборным» по своим источникам и редакции, оно поставлено на распутии русской истории: оно вольно было принять все стихии русской общественной жизни и действительно их приняло и уложило. «Уложение» не отвергает и чужеземного, не противится преобразованиям и усовершенствованиям; но при этом

оно хочет быть самобытным, последовательным, народным. В этом отношении оно упорнее самой России. Когда наше отечество подклонило свою голову под острие преобразования, одно «Уложение» пробилось сквозь ряды иностранных регламентов и победоносно возлегло на троне Екатерины II. Законники нового направления тщетно покушались заменить его новым уложением; ничто не могло поколебать его; один «Свод законов» восторжествовал над ним могучею волею Николая I. «Свод законов» превосходит «Уложение», как Россия Николая I превосходит своим величием Московское государство Алексея Михайловича, но как в основании настоящего величия лежит московская земля, купленная кровию наших предков, так кротость «Свода законов» красуется на кровавом подножии «Уложения».

Рассматривая «Уложение», я обращу внимание на причины его издания, потом на его источники и юридические начала и заключу переворотом, который оно потерпело в царствование Петра Великого.

Засим красноречивый и энергический оратор говорит о причинах явления «Уложения», причинах, которые он разделяет на *отдаленные* и *близкие,* разумея под *первыми* живое и плодородное начало единства, к которому всегда стремилась Россия и которым она наиболее обязана своей религии, потом идею самодержавия, после свержения татарского ига, обновившегося в свободном величестве Иоанна Грозного[2], и, наконец, влияние Европы, влияние классических идей и законодательства, чрез Польшу заносимых в Киев; а под *вторыми* – недавнее *безгосударное* состояние России и необходимость дать законную форму обновленному обществу. Далее оратор исчисляет источники «Уложения»; они следующие: 1. правила св. апостол и св. отец; 2. градские законы греческих царей; 3. прежние судебники, указы государей и боярские приговоры; 4. статьи, не решенные ни прежними судебниками, ни царскими указами; и, наконец, вероятно, с последовавшего разрешения царя; 5. литовский статут. Дойдя до *третьего* источника «Уложения», оратор говорит: «Этот источник легко отличить в «Уложении» по его особенной физиономии: если заметите статью гражданского права, которая *сохранила жизненную теплоту процесса,* и статью уголовного права, на которой *не остыли еще гнев закона и кровь преступления,* – то это знак, что они образовались из боярских приговоров»[1].

Если бы мы хотели шаг за шагом следить за развитием речи,

то наша рецензия превратилась бы в огромную критику; а если бы мы хотели выписать все места, отличающиеся могучим и увлекательным красноречием, то нам пришлось бы перепечатать почти всю речь, от слова до слова. Предоставляем самим читателям прочесть ее всю, а сами слегка коснемся кой-каких мест.

На 22 стр. мы встретили мысль, поражающую читателя своею странностию. Оратор находит в русском народе «творческий, бесконечно изобретательный смысл, который непрерывно выступает из круга положительности, непрерывно стремится вперед, совершая новые обороты, проявляя новые стороны человеческого духа». Мы совершенно согласны с этою фразою, особенно если в ней слово «смысл» заменить словом «разум»; но мы никак не можем согласиться, чтобы эта, как называет ее оратор, ««непостижимая тонкость смысла» была и добродетелью и недостатком народа, как и умственная добродетель, почти всегда обличающая недостаток развития высших душевных сил – ума, воображения и эстетического чувства». Что в русском народе есть огромный элемент разумности, – это несомненно; и эта многосторонность духа, о которой говорит сам оратор, что же она, как не проявление разума? Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность – воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность – фантазия и глубокое эстетическое чувство, – это доказывают русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно могучие, всегда выражающие широкий размет богатырской души… Что *разум* и *эстетическое чувство* суть по преимуществу достояние и принадлежность великого народа русского, его характеристические приметы, – это доказывают и наши гигантские успехи в цивилизации в столь короткое время, и наше молодое просвещение, и наша молодая литература. Сто лет назад мы имели только сатиры Кантемира, а теперь уже гордимся именами Ломоносова, Фонвизина, Державина, Карамзина, Крылова, Батюшкова, Жуковского, Грибоедова… А такие гигантские проявления русского духа, такие могучие проблески его, как Пушкин и Гоголь?.. Неужели русский народ богат только *рассудком* и беден *разумом* и *эстетическим чувством?* «Тонкость рассудка может развиться и в дряхлеющем и в младенческом обществе от умственного и нравственного застоя», – говорит оратор. Действительно, *так,* то есть от таких причин развилась тонкость рассудка у персиян и китайцев: неужели под эту же категорию подходит и *молодая* Россия, *молодая,* несмотря на то, что имеет уже *девятивековую* историю и совершила несколько

циклов своего развития?.. Нет, после указанных нами фактов, такая мысль – парадокс, не имеющий даже и достоинства странности. «Напротив того, – продолжает оратор, – глухота рассудка, при остроте ума и воображения, бывает иногда плодом высокой цивилизации, добродетелью свободно рожденного народа». Еще парадокс!.. Мы желали бы, чтобы оратор указал нам на народ, отличившийся или отличающийся умом, эстетическим чувством, а вместе с тем и глухотою рассудка, как результатом высокой цивилизации. Мы думаем, что необыкновенная сила рассудка как в человеке, так и в народе отнюдь не условливает силы разума и обладание эстетическим чувством; но что разум и эстетическое чувство *необходимо* условливают и необыкновенную силу рассудка. В отношении к рассудку и практическому уму ни один народ в мире не может равняться с французами, – но зато какой же народ в Европе беднее их разумностию, фантазиею и эстетическим чувством? Напротив, англичане, гордящиеся Шекспиром, Байроном и Вальтер Скоттом, суть в то же время и народ, отличающийся силою рассудка, способностию анализа и практическим умом. Если в их искусстве и их истории видно преобладание разума и фантазии, то в их мышлении видно явное преобладание рассудка. Голландцы, соотечественники Рубенса, гордые двумя школами живописи – нидерландскою и орлеанскою, – в то же время суть и народ рассудка и практического ума. Какая чудовищно огромная сила рассудка видна в немцах Канте и Гегеле, которые, особливо последний, в то же время отличаются и чудовищно огромною силою разума и эстетического чувства, не говоря уже о том, что вообще умозрительные, трансцендентальные и фантастические немцы в действительной и практически-положительной жизни аккуратны и рассудительны как нельзя более. Так точно и русский народ, богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается и необыкновенною сметливостию, смышленостию, практическою деятельностию ума, остроумием, аналитическою силою рассудка. «Но если природа и история создали нас юристами, а не философами и не поэтами, и мы привычнее к земле, чем к облакам, то будем же довольны нашею судьбой, будем юристами в совершенстве, будем римлянами в юриспруденции». Прекрасно, но мы никак не можем удовлетвориться такою бедною участью. Нет, мы думаем, или, лучше сказать, мы *верим* и *знаем,* что миродержавные судьбы вечного промысла, природа и история не осудили России на такое одностороннее и узкое существование, в тесноте которого неестественно склались бы огромные члены ее богатырского тела, прервалось бы дыхание ее широкой груди и сжался бы глубокий и

могучий дух. Нет, мы *верим* и *знаем,* что назначение России есть всесторонность и универсальность: она должна принять в себя все элементы жизни духовной, внутренней, гражданской, политической, общественной и, принявши, должна самобытно развить их из себя… Мы еще не философы – это правда, но мы уже обнаруживаем живое стремление к разумному знанию, и если не в философии, то в частных знаниях даже оказали уже некоторые успехи, и русское просвещение гордится уже именами нескольких знаменитых математиков, астрономов, мореплавателей. Сколько знаний было соединено в лице одного отца русской науки и русской литературы – Ломоносова! Что касается до поэзии – мы уже давно поэты: ведь Пушкин не мог же быть явлением случайным, а Пушкина мы, *даже* по сознанию самих иностранцев{2}, смело можем противопоставить любому поэту всех народов и всех веков. Так зачем же нам быть *только* юристами, новыми римлянами в юриспруденции? – Мы будем и юристами, и римлянами в юриспруденции, но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом ученым и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным… В России видно начало всех этих элементов, и если эти элементы всё еще остаются элементами, а не действительными явлениями, это значит, что все известные определения не в пору ему, что гнило для него всякое человеческое оружие, ненадежны никакие человеческие доспехи, и потому-то он, как божественный Ахилл, безоружный, бездейственный, но могучий и страшный, ждет от небожителя Гефеста неземного вооружения; а для врагов и недругов ему достаточно выйти на вал и трикраты крикнуть…{3}

Не можем довольно надивиться, как такая странная мысль попала в такую прекрасную речь… но это единственное пятно ее…

Чрезвычайно любопытно в «Речи» изложение, или, лучше сказать, разложение юридических начал «Уложения», разложение, в котором рассматривает оратор основные законы «Уложения», государственные учреждения (чины, приказы – *разрядный, поместный, приказ большого прихода, посольский, судный, разбойный* пли *сыскной, холопий, земский, стрелецкий;* духовное управление, иерархия), областные учреждения (воевода, приказная, съезжая изба или палата, губные старосты, целовальники, части, разряды, городовые приказчики и городничие, таможенные или торговые суды, площадные подьячие), просвещение (его религиозный характер до Федора Алексеевича и Софии Алексеевны, славяно-греко-латинская академия, приказ книгопечатного дела), государственная служба,

местничество, взятки, состояние народа (дворянство, духовенство, городские сословия), гражданские законы. Превосходен взгляд оратора при решении заданного им себе вопроса: «На каких началах основана гражданская часть «Уложения»«. Начала эти *семейственные, патриархальные,* по его решению, которое кажется нам глубоко верным и истинным.

Если бы *таким образом* юристы наши обработали историю права на Руси и разоблачили его внутреннее значение и сокровенную, таинственную сущность – *мысль,* – как далеко подвинулась бы русская история! Право есть краеугольный камень общественного здания, цемент, связывающий его части, и потому пока темна эта сторона истории какого-либо народа, то и сама история его по необходимости есть темный, непроходимый лес. Монета, подати, источники промыслов, основания военной службы, права сословий, их взаимные отношения, суд и расправа, их формы – без знания всего этого нет знания истории. История войн и договоров есть только одна сторона истории народа, есть история частная. Итак, пусть сперва обработают эти частные истории; пусть занимающийся дипломатией разработает историю договоров; воин – изобразит нам характер и развитие военного искусства в России; литератор, лингвист – историю и развитие литературы и языка; другой – истории иерархий, монастырей и так далее. Это поважнее вопроса, важности которого никто не взял на себя труда истолковать, вопроса, бесплодные решения которого успели уже сделать сухим и педантским занятие русскою историею. Вот когда обработаются все эти частные истории, или эти отдельные стороны истории русской, – тогда только возможна будет истинная русская история, без «высших взглядов» и построенная не на песке, а на твердом основании{4}. Судя по речи г. Морошкина, мы можем смело надеяться от него *великих* услуг русской истории со стороны идеи и развития русского права, русского законодательства и русского судопроизводства. Г-н Морошкин принадлежит к новому поколению ученых – не к тому, которое красноречие отличает от поэзии характером живописи, а поэзию от красноречия – характером музыки, которое деление поэзии на эпическую, лирическую и драматическую основывает на прошедшем, будущем и настоящем времени{5}, которое, наконец, громкими фразами силится прикрыть нищету своих знаний; нет, г. Морошкин не имеет ничего общего с этими учеными: всем известна его пламенная любовь к науке, его огромная начитанность, добросовестная ученость, а речь его показывает еще, что бог дал ему душу живу, открыл его разумению таинственную глубину мысли и одарил его огненным словом. Вся

речь г. Морошкина есть образец глубокомыслия, учености, живого, пламенного красноречия, местами возвышающегося до поэзии. Мы не можем удержаться, чтобы не выписать из его речи хоть два места, особенно подтверждающие наше мнение о целой речи г. Морошкина.

> Чего же недоставало русскому народу? *Преобразования!* Его недоставало для семнадцатого века! Явился царь с горящей мыслию в очах, с отважной думой на челе и с громоносным словом власти! Он страшный кинул взор на царствующий град, сурово посмотрел на даль прошедшего и двинул царство от него. Что ж не понравилось ему в наследии предков? Что возмутило <дух>{6} Петра в творении его отцов? Но это тайна души великой, глубокая тайна гения! Мы видели только внешнее этого духа, который, как грозное облако, прошел над русскою землею. Мы видели, как он сочувствовал Иоанну Грозному, как благоговел пред кардиналом Ришелье, как не терпел византийского двора, его роскошества и лени, его ханжей и лицемеров. Такое грозное соединение стихий в душе смертного, рожденного повелевать и царствовать! И к этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознание собственных сил. Посланник неба, самодержавный смертный, решительно рожденный для преобразований! В каком бы он веке ни родился, в каком бы народе ни воспитался, он всегда и везде был бы преобразователем. Это его природа! Если б он был современным древнему Язону, его постигла б участь божественного Иракла. Он был бы слишком тяжел для легкой греческой армады. Но провидение знало, где произвести на свет необычайного смертного. Только русский корабль мог сдержать такого страшного пассажира! Только русское море могло носить на хребте своем столь отважного мореходца! Только Россия могла не треснуть от этого духа, который напрягал ее, чтоб уравнять ее силы с своею исполинскою мощию! Дивное явление! От сложения мира не бывало такого государя! Говорят, что крутость его ума и воли происходила от того, что он не получил надлежащего воспитания; но, боже мой! какая наука могла ограничить эту адамантовую душу, какое воспитание могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти железные мышцы воли? Если природа должна была уступить ему, то что ж

могла сделать из него наука? Какой немец мог быть ему детоводцем, какой француз учителем? И природа и наука отступились, когда этот великий дух помчал русскую жизнь по открытому морю всемирной истории! Петр Великий не верил слабостям человеческой природы; только на смертном одре почувствовал, что и он смертный: «Из меня можно познать, сколь бедное творение есть человек», – произнес он в смертных страданиях! Таков был Петр Великий! Ему нужно было совершить преобразование. И какое преобразование! От конечностей тела до последнего убежища человеческой мысли! Он бритвой бреет бороды и топором рубит невежество. Тысячи стрелецких голов падают на Преображенском Поле! Ни даже крестный ход царствующего града не мог смягчить его правосудия! (60–61 стр.).

Как жаль, что эта лебединая песнь, этот пламенный дифирамб, достойный истинного поэта, а уже не оратора, как чернильным пятном белая бумага, подпорчен одною риторическою фразою! Оратор спрашивает себя: «Что ж не понравилось ему в наследии предков? – Что возмутило дух Петра в творении его отцов?» и отвечает: «Но это тайна души великой, глубокая тайна гения!» Риторическая фраза! Где тут тайна? – Дело ясно! Петра возмутила отжившая идея, мертвая форма, невежество, предрассудки, лень, азиатизм и китаизм народа, которого силы он знал и назначение пророчески предугадывал. Но к чему наши слова, когда сам оратор, чрез несколько строк, обнаруживает пустоту этой фразы следующими чудными строками:

Преобразователь в течение всей своей жизни хранил в себе тайное сознание, что не одно рождение возвело его на престол, но сила высшая звала его царствовать над народами! Он чувствовал, что не кровь, а дух должен ему предшествовать. Он отверг сына и возжелал оставить по себе *достойнейшего.* Но великий человек не приобщился нашим слабостям! Он не знал что мы и плоть и кровь! Он был велик и силен, а мы родились *малы и худы*{7}, нам нужны были общие уставы человечества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская дума должна была уступить место сенату; областные приказы – ландратам и ландрихтерам. Ему не нравились и наши целовальники, наши дьяки и

> подьячие. Он желал бы посадить на их место пленных шведов, секретарей и шрейберов цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее России. Но все эти перемены ничто в сравнении с преобразованием государственной службы. Сам, начав с солдата гвардии, он прошел медленно по лестнице подчинения и завещал ее своим подданным. А что кормленье прежнее, что царский хлеб и соль? В поте лица ели их слуги Петра Великого. Нигде он не был так грозен своим правосудием, как против дармоедов, мирских едух и казнокрадов. Не уважая частной собственности, когда думал об отечестве, за каждую копейку, излишне взятую сборщиком податей или переданную комиссионером торгашу, он был неумолим для виновного (61–62 стр.).

Так как речь г. Сокольского писана на *искусственном* латинском языке, из уважения к стародавним преданиям ученых обществ, и не принадлежит к русской литературе, то мы и проходим ее молчанием и обращаемся к «Отчету».

Каждый годовой отчет о действиях и состоянии Московского университета должен возбуждать живейшее участие: Московский университет – единственное высшее учебное заведение в России; он не знает себе соперников; у него есть история, потому что для него всегда существовало органическое развитие. В Московском университете есть дух жизни, и его движение, его ход к усовершенствованию так быстр, что каждый год он уходит вперед на *видимое* расстояние.

На прошедший академический год из 195 экзаменовавшихся принято 144, да сверх того без экзамена принято из разных учебных заведений 36 человек, итого – 180. Профессоров и вообще преподавателей было 45, а учащихся 677; именно: в 1-м отделении философского факультета 107, во 2-м – 122, в юридическом 203 и в медицинском 245 человек.

В двух отделениях философского факультета и в юридическом, согласно с высочайше утвержденным уставом, курс установлен на 4, а в медицинском на 5 курсов, и студенты не иначе допускались к слушанию высших курсов, как по выдержании надлежащего испытания в науках, определенных для низших курсов.

По высочайшему повелению профессор Щуровский был командирован на шесть месяцев для обозрения Уральского хребта в геологогеогностическом отношении. Г-н Щуровский составляет записки своего путешествия, которые в скором времени будут изданы – интересная новость для тех, которым известна горячая

любовь к науке и умение писать г. Щуровского.

Из Университета св. Владимира{8} перемещены ординарные профессоры Данилович и Якубович в Московский университет, а из него в Университет св. Владимира адъюнкт Кубарев экстраординарным профессором. Определены адъюнктами воспитанники Главного педагогического института Спасский по кафедре физики, Лешков по юридическому факультету и доктор медицины Варвинский по медицинскому факультету.

Удостоены степени магистра – 2; степени доктора медицины – 6; звания медико-хирурга – 1; звания штаб-лекаря – 6; звания лекаря – 2; звания зубного лекаря – 1; звания повивальной бабки – 9; аптекаря – 8; провизора – 14; гезеля – 9; звания домашних учителей и учительниц – 34, в том числе русских подданных 22 и иностранцев 12.

По окончании академического года, из слушателей и студентов удостоены степени кандидатов 1-го отделения философского факультета – 4; 2-го отделения философского факультета – 9; юридического факультета – 5; звания действительного студента: 1-го отделения философского факультета – 14; 2-го отделения философского факультета – 2; юридического факультета – 17; в медицинском факультете: звания лекаря 1-го отделения – 20; 2-го отделения – 11; следственно, в нынешний академический год всех выпущено 82 человека.

Учебные пособия получили значительное приращение: в библиотеку поступило вновь 1100 сочинений в 1809 томах: в физический кабинет 6 инструментов и снарядов; в музей естественной истории 129 чучел животных млекопитающих и птиц, 36 минералов (пожертвованных профессором Щуровским и собранных им во время путешествия его по Уралу); в обсерваторию 1 снаряд; в химическую лабораторию 520 инструментов; в минц-кабинет 18 монет и медалей; в анатомический театр 80, а в зоотомический 85 препаратов, изготовленных прозекторами Шмидтом и Басовым; ботанический сад получил новые семена и виды растений. Вообще учебные пособия находились в следующем состоянии: 1) в библиотеке 46 340 соч. в 65 079 томах: 2) в музее естественной истории чучел животных и минералов 50 546; 3) в учебном минералогическом кабинете 3800 минералов и 20 инструментов; 4) в физическом кабинете 344 инструмента и снаряда; 5) в минц-кабинете 1614 монет и медалей; 6) в гербариуме 17 627; 7) в ботаническом саду 5985 видов растений; 8) в химической лаборатории разных химических веществ, препаратов и реагентов видов хрусталей, приготовленных из воска, снарядов и инструментов 2327; 9) в

технологическом кабинете разных веществ по заводам и фабрикам 271 и 7 медалей; 10) в анатомическом кабинете 5530 препаратов и 481 инструмент; 11) в зоотомическом кабинете 439 препаратов и 178 инструментов; 12) в десмургическом кабинете и для класса офталмологии 233 снаряда и инструмента; фармацевтический кабинет состоит из разных препаратов и медикаментов, употребляемых на лекциях фармации, токсикологии и рецептуры. Сверх того, при университете находится особая библиотека, собственно для употребления казенных воспитанников, в которой находится 1935 сочинений и 106 периодических изданий.

В университетских клиниках находилось больных 149, из которых выздоровевших 123, получивших облегчение и не желавших остаться в клинике 12, выпущенных по неизлечимости 2, умерших 4, остается 2; приходивших за советами 958, из них большая часть выздоровела; умер 1. Операций сделано 91. В акушерском институте рожениц 158, умерших не было. В студенческой больнице находилось 160 больных, из них выздоровело 141, умерло 5, остается 14, приходило за советами 280. Все студенты 5 курса участвовали в лечении больных и в производстве операций под непосредственным руководством профессоров клиники; больные бедного состояния пользованы без всякой платы, и приходящие из них получали лекарство безденежно в университетской аптеке. В клиниках находится разных препаратов и снарядов 1126.

В университетской типографии отпечатано разного звания книг и диссертаций на ученые степени 78. Собрано за «Московские ведомости», объявления и книги 354 451 р., а в расход употреблено 199 969 р., следовательно, чистой прибыли 153 492 р. Жаль, что не означено число печатных листов, напечатанных в продолжение года.

Состоящие при университете ученые общества продолжали свои занятия: I) Императорское Общество испытателей природы имело 7 обыкновенных и 1 чрезвычайное заседание, в которых читаны 23 сочинения членов; напечатаны 3, 4 и 5 книжки повременного издания общества 1838 года и первая книжка 1839, со многими таблицами, и окончен печатанием XII том «Записок». Общество лишилось членов, умерших в сем году: Криницкого, Фальдерманна, Флейшера, Вильперта, Фридерика Кювье, графа Штернберга и Шамиссо. Вновь избрано действительных членов 23; всех членов теперь состоит 870. Вместо уволенного по прошению от должности второго секретаря действительного члена Н. А. Ушакова, избран действительный член адъюнкт-профессор Рулье. В библиотеку поступило 57 записок и разных

сочинений. II) Императорское Общество истории и древностей российских имело 4 заседания, в которых читано 8 исторических рассуждений и исследований. Обществом изданы: 1) «Повествование о России» в 2 т. действительного члена Арцыбашева; 2) вторая книжка «Русского исторического сборника» и 3) «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» действительного члена Погодина. Действительный член Снегирев занимается, по поручению начальства, описанием московских древностей и печатает 3-ю книжку «Исторического сборника». Общество состоит из 26 почетных и 74 действительных членов, 3 благотворителей, 29 соревнователей и 2 корреспондентов. Пожертвовано обществу: 3 медные китайские монеты, 30 старопечатных книг, 17 новой печати и 25 рукописей; важнейшее приношение сделано благотворителем И. Н. Царским. III) Общество физико-медицинское имело заседаний, в которых читано 39 сочинений членов и два присланные от других лиц. Должность секретаря латинской и русской корреспонденции, и, на время отсутствия адъюнкта Топорова, путешествующего для обозрения за границею важнейших гошпиталей и больниц, должность казначея исправлял экстраординарный профессор Анке. Вновь избрано действительных членов 13 и членов-корреспондентов 5. Ныне всех членов 261.

notes

Сноски

1

О значении наблюдения во врачебном искусстве и об обстоятельствах, содействующих и препятствующих ему. Речь, которую произнес на торжественном ежегодном акте императорского Московского университета Григорий Сокольский, профессор патологии и терапии, доктор медицины, 10 июня 1839 г. *(лат.). – Ред.*

2

Рецензент долгом почитает заметить, что он везде старается выражаться языком оратора и собственными его красноречивыми выражениями.

Комментарии

1

Курсив Белинского.

2

Имеется в виду статья о Пушкине Варнгагена фон Энзе. См. второе обозрение «Русские журналы», наст. т., с. 438–439.

3

См. «Илиаду» Гомера, песнь восемнадцатая.

4

Намек на «Историю русского народа» Н. Полевого.

5

Белинский мог иметь в виду, в частности, профессора Московского университета И. И. Давыдова и его «Чтения о словесности. Курс второй» (М., 1837) и «Чтения о словесности. Курс третий» (М., 1838). Во втором курсе говорилось: «Но поэзия в обширном смысле, выражающая соединение живописи и музыки…, разлагается также на две отрасли – на *поэзию,* собственно называемую, и *красноречие.* В одной отрасли развивается преимущественно характер музыки, в другой – характер живописи» (с. 15). В третьем курсе сказано: «В этих трех *родах* поэзии, *эпической, лирической и драматической,* жизнь является в трех моментах времени: прошедшее, как жизнь совершившаяся, господствует в эпопее; будущее, как еще в духе заключенная жизнь, принадлежит лирике; настоящее, слияние прошедшего и будущего, относится к драме» (с. 8–9).

6

Восстановлено по цитируемому тексту.

7

Курсив Белинского.

8

Киевский университет.